

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ В «ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ»

В статье выявляются причины смены режима историчности, переосмысления основных исторических понятий и проблемы истины в истории. Рассматриваются современные формы присвоения прошлого, механизм создания образов исторической реальности в СМИ, кино и ТВ.

Ключевые слова: историческая реальность, историческое событие, коллективная память, образ исторической реальности, презентизм, современность, масс-медиа, «общество знания».

Об авторе: Кнэхт Наталья Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва. 141551 Московская область, Зеленоград, п. Андреевка, 17-112. nataknekht@gmail.com

Одна из особенностей современной ситуации (названной, как известно, Лиотаром «состоянием постмодерна») в гуманитарном знании связана с методологическим переходом, который Гадамер обозначил, как переход «от мира науки к миру жизни». Применительно к исторической науке это проявляется в тенденции ученых в своей исследовательской практике отказываться от универсализма глобальных схем в построении исторической картины в пользу уникальности источников и терминов описания.

Произошла смена режима историчности, связанная с изменением способа восприятия исторического времени. Это привело к переосмыслению таких понятий, как: историческая реальность, историческое событие, исторический факт, исторический опыт, истина в истории. Универсальные, абстрактные понятия – «понятия на все времена» – в переломные периоды, в периоды нестабильности плохо приспособлены к описанию исторической реальности. Универсальный потенциал абстрактных понятий не соответствует меняющейся социальной реальности и не способствует обобщению наличного

исторического опыта, включающего индивидуальные феноменологические переживания людей – образов исторической реальности. Подвергаются ревизии и основополагающие идеи всемирной истории. Традиционно идея всемирной истории фокусировалась на идее прогресса, нацеливая историков при описании прошлого находить в нем ростки прекрасного будущего. Будущее представлялось, как пролонгированное прошлое. В конце XX века одновременно с замедлением темпов экономического роста, упадком веры в прогресс («кризисом будущего») в исторической науке наблюдается новый поворот, проявляющийся в стремлении ученых в изучении социальных явлений в историческом контексте уходить от предвзятых идеологических схем. На смену заранее заданному «проекту» (либеральному, коммунистическому или социалистическому), призванному объяснять прошлое в соответствии с прогрессивным будущим, приходит так называемый презентизм – время «вечного настоящего»¹. Это проявляется в особом умонастроении – «одержимости прошлым» (зачастую «изобретенным прошлым»), когда отдельные страны, регионы и даже социальные группы стремятся к легитимации через осознание уникальности своего исторического развития. Этот подъем разнообразных форм партикулярных идентичностей (национальных, конфессиональных, локальных) связан с более фрагментарными, субъективными, эмоциональными формами присвоения прошлого, т.е. с исторической памятью, еще свежей памятью о недавнем прошлом. Иначе говоря, презентизм – это историзм без глобальной истории.

Рефлексия над собственным настоящим имманентна труду мыслителей, размышляющих о судьбах мировой истории. Как известно, в «Политике» Платона собеседники размышляют о драматических событиях современности, относя ее к одной из мировых эпох обратного хода вращения истории. Напротив, интеллекту-

¹ *Копосов Н.* 2011, 14.

алы Средневековья, как например, Августин, развивая искусство экзегетики, в настоящем пытались разгадать символические знаки – провозвестники будущих событий. Романтический образ исторического процесса складывается у Вико, в котором настоящее рассматривается как точка перехода к новому, еще более совершенному, законченному образу мира. Однако уже у Канта возникает критическое отношение к пониманию истока и прогрессивной целенаправленности исторического процесса. Канта больше интересует философский вопрос о настоящем. Кант рассматривает Просвещение как последовательное движение, перманентное переходное состояние, позволяющее нам преодолевать состояние своего «несовершеннолетия». Это значит научиться пользоваться собственным разумом, постоянно воссоздавая критическую направленность в отношении нашего исторического бытия. В статье «Что такое Просвещение?» М.Фуко поясняет это замечательное усовершенствование людей: «Кант дает три примера: мы находимся в состоянии несовершеннолетия, когда вместо разума мы руководствуемся книгой, когда духовный наставник замещает совесть, а врач за нас принимает решения о нашем образе жизни...»². И далее, описывая основные черты кантовской установки на современность, Фуко обращается к Бодлеру, который определял современность как «время переходное, ускользающее, случайное»³. Обостренное осознание современности в канун XXI века очень напоминает подобное умонастроение: в прерывании традиции, чувстве новизны, головокружении от происходящего. Философия и искусство, как впрочем, физика и математика, правда, несколько раньше (на рубеже веков, в конце XIX – начале XX века), ощутили разрыв с традицией. В понятиях «современная философия», «современное искусство», «современная наука» смысловой акцент падает на слово «со-

² Фуко М. 2002, 338.

³ Фуко М. 2002, 345.

временность». Как справедливо замечает О.Аронсон: «"Современность" – не момент в историческом времени, но изменение отношения к тем основаниям, на которых что-то когда-то (в традиции) стало значимым»⁴. Этого разрыва с традицией не избежала и историческая наука. Патриотическая история XIX века, преимущественно событийная, как повествование о становлении национальных государств начинает вытесняться в начале XX века социальной, или культурной историей. После Великой депрессии, волна которой докатилась и до европейских стран, национальная история с ее линейным повествованием, коррелирующим взаимосвязь настоящего страны с ее прошлым, стала казаться, по словам Поля Валери, «самым вредным продуктом, выработанным химией интеллекта»⁵. Появляется новая концепция человека как субъекта культуры и истории, основанная на внимании к человеческой субъективности, мыслям и чувствам простых людей, что сделало популярным антропологический подход к прошлому. Однако со временем увлечение частной жизнью человека прошлых эпох, особое внимание к происшествиям и казусам его бытия привело к фрагментации исторического дискурса, а недоверие к «большим нарративам» лишило историков руководящих ориентиров в отборе и отделении главного от второстепенного в огромном историческом материале. Появилось ощущение кризиса исторической науки, что во многом спровоцировало появление вышеупомянутого презентизма, т.е. редукции прошлого к «недавней истории», или «истории настоящего времени».

Сегодня историческая наука нуждается в интегрирующем усилии, новых принципах обобщения и рефлексии над собственными методологическими основаниями. Это может обеспечить ее союз с философией. Впрочем, современная историческая наука уже не совсем история, т.к. она утрачивает структуру линейного

⁴ Аронсон О., Петровская Е. 2009, 118.

⁵ Цит. по: Копосов Н. 2011, 35.

повествования, превращаясь в историю-память. Это форма современного переживания, присвоения прошлого – своеобразная феноменология прошлого, связанная с понятием коллективной памяти, которое предложил Морис Хальбвакс⁶. Память о прошлом, «вспоминание» прошлого каждый раз реконструируются в определенных социальных контекстах, под влиянием семьи, коллектива, социальной группы, что не умаляет право человека на признание его индивидуальной памяти, его биографии, его собственного опыта. Но где эта память? Что помогает вспомнить? В наиболее влиятельной сегодня концепции, теории исторической памяти – «мест памяти» Пьера Нора – память «притаилась» в составляющих среду нашего обитания «местах» – материальных объектах, превратившись в культурные символы⁷. Это тот материал, из которого создаются образы исторической реальности, образы-конструкты, которые через систему образования, литературу, искусство (особенно фотографию и кино) воспроизводятся, множатся, транслируются, создавая современные массовые представления об истории.

Уплотнение и акселерация социального времени привела не только к потере естественной связи с прошлым, но и к потере будущего. Сейчас будущее уже не высвечивается в прошлом. В условиях перманентной нестабильности настоящее становится важнее того, что называется историей. Происходит как бы «схлопывание» прошлого и будущего в настоящем. Настоящее есть Бытие предельно изначальное и предельно всеобъемлющее, оно не может длиться, не может разворачивать себя во времени, т.к. время требует модальности Небытия, модальности перехода, а этот переход «сжат» и все события мира уже присутствуют в нем одновременно, симультанно. Здесь «временная» логика (линейности, последовательности, длительности, перехода) подчиняется «пространственной» логике (рядоположен-

⁶ Хальбвакс М. 2007.

⁷ Копосов Н. 2011, 46.

ности, смежности, картирования, места). Перефразируя Фернана Броделя, можно сказать: не время порождает реальность, а каждая социальная реальность порождает свое время. Реальность последних двух столетий сделала исторический опыт массовым. Возможно, задача исследователя сегодня – не объяснять прошлое, а показать, как представления о нем формируются и живут в настоящем. Неизбежен здесь «конфликт интерпретаций», но это – особенность сегодняшнего дня, проявляющаяся в «битвах за прошлое».

«Спор историков» в «битвах за прошлое» не был просто локальным драматическим эпизодом последних десятилетий. В более широком контексте – это попытки неолиберальных правительств по-новому национализировать прошлое, т.е. создать своим странам не только удобное прошлое, но и приемлемое будущее. Это нашло отражение в попытках переосмыслить роль и даже статус стран как побежденных, так и победителей во Второй мировой войне. Вполне понятны стремления канцлера Коля создать немцам «приемлемое прошлое». Объяснима и тенденциозность в политике правительства Маргарет Тэтчер, как отражение идеализации и воссоздания культа викторианской Англии, когда превозносятся расцвет экономики и могущества страны той эпохи, но одновременно нивелируется острота социальных конфликтов, умаляются факты ограбления колоний и пр. В канун нового столетия проблема «сведения счетов» с прошлым все чаще попадает в фокус внимания западных политиков. Одним из таких примеров может служить обсуждение факта бомбардировок немецких городов с англо-американской стороны. И здесь Германия оказывается уже в роли жертвы военных преступлений, т.к. бомбардировки выходили за пределы военной целесообразности⁸. Уместно также упомянуть о смещении фокуса общественного внимания с преступлений нацистов на преступления сталинского режима, и более широко – на

⁸ Фрай Н. 2004, 21-40; Вемме В. 2005, 270-275.

страдания людей - жертв тоталитарных режимов. Переосмысление драматических событий недавнего прошлого и привлечение историков в качестве экспертов и свидетелей обвинения ставило перед ними сложнейшую не только научную – дать объективную картину исторического контекста, но и нравственную проблему – от интерпретации контекста зависели приговоры. Отказ историков выступать в роли судьи во многом инициировал европейских политиков усовершенствовать антифашистское законодательство через принятие мемориальных законов. Уже эти примеры заостряют проблему истины в истории: что считать историческим фактом, что такое историческое событие и как мы должны к нему относиться?

Собственно, под событиями обычно понимают наблюдаемые изменения, которые имеют смысл для наблюдателя. Событие – это такое явление, которое выделяется из пассивной монотонности бытия (не является элементом повтора), не может быть незамеченным и называется собственным именем. Тема «события» - предмет напряженных размышлений известных философов современности: В.Беньямина, М.Хайдеггера, Ж.Делеза, Ф.Лаку-Лабарта. Событие - это «межвременье», его нельзя отнести ни к прошлому, ни к будущему), разрыв непрерывности, пустой промежуток, «мертвое время» (Ж.Делез), «прыжок» (М.Хайдеггер) из прошлого в будущее, «дыра в мире», «трещина» или цезура (В.Беньямин, Ф.Лаку-Лабарт). Событие всегда есть придание явлению ценности, смысла, или «...есть акт присвоения бытия мыслью»⁹.

Развитие электроники, цифровых технологий, ежедневная масс-медийная активность по-новому ставят вопрос: не **что** такое событие, а **как** создается событие? С какой реальностью мы имеем дело? Что лежит в основании опознания явлений и фактов происходящего, которое мы именуем событием? И тогда событие сравни-

⁹ Подорога В. 2010, 38.

вается с поводом, случаем, новостью. Современные СМИ «не столько передают информацию о событии, сколько производят само событие, распространяют, контролируют, оценивают, делают его зависимым от способа подачи»¹⁰. Дискурсивная форма представления событий в масс-медиа автономизирует их, придает им статус самостоятельно существующей, самопроизводящейся (аутопойетической, по выражению Н.Лумана) системы.¹¹ СМИ становятся главной инстанцией – сознанием, за нас и для нас, отдавая нас от реальности опыта. Сегодня практически невозможно отделить личностный опыт, приобретенный самостоятельно, вне сфер влияния, от опыта, навязанного рекламой, новостными и развлекательными программами. Практика освещения текущих событий СМИ, основанная на оперативности, быстром реагировании и подаче информации на основе видеоряда с места события рождает у нас эффект присутствия. Излюбленным примером, к которому часто обращаются исследователи, является пример репрезентации войны в Персидском заливе. Мы уверены, что являлись свидетелями событий сразу, как только они происходили. Однако новостные средства вещания создали свою собственную реальность – новости, произведенные для войны, сфабрикованные Пентагоном, когда на информацию, передаваемую с телекамер, были наложены ограничения. В результате, «невидимая» реальность, осталась за рамками уже принятых аудиторией визуальных образов, показанных на телеэкранах. Так электронные средства массовой информации конструируют реальность, или, точнее, «гиперреальность»¹².

В последнее время не только на телевидении, но и в кинематографе решающую роль начинает играть не только политическая, но и экономическая поддержка в конструировании нужного образа реальности, в том

¹⁰ Подорога В. 2010, 41.

¹¹ Луман Н. 2005, 14-15.

¹² Уиллок Д.Э. 2005, 60.

числе и исторической. Познание, в том числе и историческое познание, начинает превращаться в процесс конструирования, производства образов реальности. Визуальная природа фильма заставляет ощущать реальное, невзирая на форму повествования. Включение в фильм реальных образов, документальных кадров, подкрепленное правдоподобием повествования и достоверностью сценария, с легкостью подготавливает публику принять визуальное за истинное. Факты легко могут соединяться с вымыслом, вымышленные события могут подаваться как реальные, искусно вплетаясь в ткань повествования. Кино и телевидение почти полностью объединяют предмет рассмотрения с образами, принуждая нас делать то же самое, т.к. изображения являются самоаутентичными. Можно сравнить труд историка с трудом кинематографиста. Историк из документов конструирует конвенциональные истории, выстраивает в определенной последовательности предполагаемые «факты» прошлого, создает тексты, которые «перерабатывают» историю. История, запечатленная на киноплёнке, может начинаться как фактуальное или реальное событие, взятое из исторических архивов. У зрителей возникает обманчивое чувство уверенности в понимании замысла фильма. Повествование, основанное на хроникальных фактах (хорошо всем знакомых), передает ощущение подлинности события и заставляет приравнивать реальное к уже известному. Далее, сюжетные линии могут изобретаться, но они приобретают реализм за счет того, что некоторые изображенные в них события помещаются в реальное место и время. Идентификация места служит для подтверждения вымышленной истории. В дальнейшем необязательно опираться на факты, т.к. образ созданного события в силу своей визуальности сам придает себе достоверность. С помощью редактирования, монтажа, например, небольшая группа людей может выглядеть как огромная аудитория и пр. Такое манипулирование не является чем-то новым. Интерпретация режиссером

тех или иных событий создает новую «реальность», укорененную в образах, но вовсе не обязательно в истории.

Можно проследить, как менялся образ исторической реальности в сознании людей на примере рождения, развития и трансформации мифа о войне и метаморфозах кинематографического образа Сталина. В качестве кинематографических примеров будем называть, конечно, не все фильмы. В самом начале сталинская пропаганда создает миф о неожиданном нападении коварного врага на советскую Родину – миролюбивую страну тружеников, которые под руководством вождя и партии ценой героических усилий и жертв освободили мир от фашизма. («Она защищает Родину», «Подвиг разведчика»). Героизация мифа продолжалась и в послевоенное время как объяснение избыточной строгости довоенного и послевоенного режима. Опыт ужаса и жестокостей войны переживался в качестве «заградительного мифа», маскирующего Большой террор под «мирную повседневную жизнь»¹³. В период Оттепели развивается альтернативная концепция войны, связанная с частичной десталинизацией режима, что закрепляется в понимании новой правды о войне – правды о лишениях и жертвах, но далеко не всей правды (кинофильмы «Иваново детство», «У войны не женское лицо»). В период «застоя» возрождается сталинская концепция войны и находит свое воплощение в брежневской «сталиниане», подкрепленной обширными мемуарами, «эффект достоверности» которых использовался властью для легитимации режима в новых условиях – изменения мировой экономической и политической динамики (фильмы «Освобождение», «Они сражались за Родину»). В перестроечное время горбачевское руководство осуждает политику Сталина, как отклонение от «правильного» социализма, а обнародование новых данных о преступлениях сталинского режима делают его фигуру крайне непопулярной (экранизация романа «Дети Арбата»). В

¹³ Хапаева Д. 2007.

это время складывается концепция тоталитаризма, в рамках которой сталинизм сближается с нацизмом. Однако в годы Перестройки сохраняется «золотой миф сталинизма», в котором народ рассматривается как жертва режима, а не как часть созданной сталинизмом системы. Фигура Сталина остается символом общности (даже сам Сталин – винтик в механизме тоталитарной системы: «... эти органы и у меня могут сделать обыск»). Новый режим путинской поры представляет пример «практического презентизма», когда прошлое распадается на отдельные фрагменты, а в методологии царит «избирательная амнезия»¹⁴. Происходит релятивизация сталинизма, ориентация идеологии на западную модель, когда даже Сталин начинает изображаться как «эффективный менеджер»¹⁵. Миф о войне нового режима – это открытый миф, работающий по принципу включения всех «правд о войне», способный интегрировать даже то, что раньше изгонялось. Однако мемориальные законы могут наложить запреты на знание, что в условиях плюрализма идеологий (либеральных, коммунистических, националистических), многообразия версий истории выглядит парадоксальным: как можно запретить знание в «обществе знания»?

Рассуждать о прошлом, наделяя событие реальностью, мы начинаем, когда «то, что случилось», может быть представлено, пережито, наделено дистанцией. Поэтому неизбежно историческая истина упраздняется под действием дополнительных, воображаемых логик факта. Отсюда историческая реальность – не то, что «на самом деле» случилось, но то, что воспринимается как случившееся. Образ исторической реальности дробится, распадается на мельчайшие составляющие. В информационном обществе, в «обществе знания» актуализируются способы постановки исторической реальности. Известны визуальные стратегии «идейно-партийного» об-

¹⁴ Хапаева Д. 2007, 77-96.

¹⁵ Копосов Н. 2011, 146.

ращения с реальностью в Советской России. Ситуация в политике, возникшая в начале XX века, показала насколько зависимо восприятие мира, истории от той системы образов, которая господствует в обществе. Новые средства пропаганды – фотография, кино и телевидение – изменили наше понимание истории. Это новые средства представления, постановки и предъявления образа исторической реальности.

Литература

- Аронсон О., Петровская Е.* 2009: По ту сторону воображения. Современная философия и современное искусство. Лекции. Нижний Новгород.
- Ветте В.* 2005: Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // Неприкосновенный запас. № 40–41.
- Копосов Н.* 2011: Память строгого режима: История и политика в России. М.
- Луман Н.* 2005: Реальность масс-медиа. М.
- Подорога В.* 2010: Событие и масс-медиа. Некоторые подходы к проблеме // Синий диван. № 14.
- Уиллок Д.Э.* 2005: Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура: современные западные исследования. М..
- Фрай Н.* 2004: Преодоленное прошлое? Третий Рейх в современном немецком сознании // Ab imperio. №4.
- Фуко М.* 2002: Что такое Просвещение?// Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.
- Хальбвакс М.* 2007: Социальные рамки памяти. М.
- Хапаева Д.* 2007: Готическое общество: Морфология кошмара. М.